

§ II. Бессилие полумер. - Г-да Бланки, Шевалье, Дюнойе, Росси и Пасси

Все средства защиты, предлагаемые против фатальных последствий разделения труда, сводятся к двум, второе стоит первого, первое — обратно второму: поднять дух работника за счет повышения его благосостояния и чувства собственного достоинства; — или же готовить его эмансипацию и счастье издалека посредством образования.

Мы будем последовательно изучать эти две системы, одну из которых представляет г-н Бланки, а другую — г-н Шевалье.

Господин Бланки — человек объединения и прогресса, писатель с демократическими тенденциями, профессор, приветствуемый симпатиями пролетариата. В своей вступительной речи за 1845-й год г-н Бланки объявил в качестве средства спасения объединение труда и капитала, участие рабочего в прибыли, то есть начало промышленной солидарности. «Наш век, — воскликнул он, — должен увидеть рождение коллективного производителя». — Г-н Бланки забывает, что коллективный производитель родился давно, так же как и коллективный потребитель, и что это вопрос уже не генетический, а медицинский. Речь идет о том, чтобы кровь, поступающая от коллективного пищеварения, вместо того, чтобы нести себя в голову, живот и грудь, опускается также в ноги и руки. Более того, я не знаю, какие средства предлагает использовать г-н Бланки для реализации своей отважной мысли; будь то создание национальных мастерских, или государственное спонсорство, или экспроприация предпринимателей и их замена компаниями рабочих, или, наконец, если он просто порекомендует работникам сберегательную кассу, и в этом случае участие может быть отложено до греческих календ [155].

Как бы то ни было, идея г-на Бланки решается путем увеличения оклада, получаемого из звания соучастника или, по крайней мере, со-интересанта, которое он присуждает работникам. Как тогда будет выглядеть участие этого работника в прибыли?

Вращение 15 000 шпинделей, на котором занято 300 рабочих, в текущем году принесет 20 000 фр. прибыли. Я допускаю, что ткацкие фабрики промышленника Мюльхауза в Эльзасе производят по стоимости, как правило, ниже номинальной, и что эта отрасль — уже не способ зарабатывать деньги *трудом*, но *превышением* (стоимости). ПРОДАВАТЬ, продавать в нужное время, продавать по высокой цене — в этом весь смысл; производство является лишь средством подготовки продажи. Поэтому, когда я предполагаю, в среднем, прибыль 20 000 фр. на цех из 300 человек, в соответствии с моим общим аргументом, то я и считаю

справедливой суммой в 20 000 фр. В любом случае давайте примем эту цифру. Разделив 20 000 фр., прибыль фабрики, на 300 человек и 300 рабочих дней, я нахожу для каждого дополнительный остаток в 22 и 2 тысячных сантима, или для ежедневных расходов — дополнительные 18 с., ровно кусок хлеба. Стоит ли экспроприировать предпринимателей и играть общественным достоянием, чтобы воздвигать конструкции тем более хрупкие, что собственность окажется раздробленной на бесконечно малые акции и не будет более поддерживаться прибылью, у компаний кончится балласт, и они больше не будут застрахованы от бурь? И если не идет речь об экспроприации, какая плохая перспектива — ничего лучше не найти, чтобы представить рабочему классу, как увеличение на 18 сантимов в качестве результата нескольких столетий сбережений; поскольку ему потребуется не меньше, чем столько времени, чтобы сколотить свой капитал — с учетом, что периодическая безработица не заставляет его периодически съедать свои сбережения!

Факт, о котором я только что сообщил, был подтвержден несколькими способами. Г-н Пасси [156] лично подсчитал в реестрах прядельной фабрики в Нормандии, где рабочие были ассоциированы с предпринимателем, заработную плату нескольких семей за десять лет; и он нашел среднее вознаграждение в пределах от 12 [157] до 1 400 фр. в год. Затем он захотел сравнить ситуацию с работниками прядельного производства, чей труд оплачивается, исходя из их положения как участников предприятия, с вознаграждением работников, которые находятся просто на зарплате, и он нашел, что различия практически не заметны. Этот результат было легко предсказать. Экономические явления подчиняются абстрактным и бесстрастным законам, подобным числам: только привилегии, мошенничество и произвол нарушают бессмертную гармонию.

Кажется, раскаявшийся г-н Бланки, сделавший этот первый шаг к социалистическим идеям, поспешил отказаться от своих слов. На том же заседании, где г-н Пасси продемонстрировал несовершенство акционерного общества, он воскликнул: «Разве не кажется, что работа является чем-то восприимчивым к организации, и что от государства зависит регулирование счастьем человечества, подобно командованию военным парадом, со всей математической точностью? Это плохая тенденция, иллюзия, что Академия не может бороться слишком много, потому что это не только химера, но и опасный софизм. Давайте уважать добрые и верные намерения; но давайте не будем бояться сказать, что издать книгу *об организации труда* — это в пятидесятый раз повторить трактат о возведении в квадрат круга или философский камень».

Затем, увлеченный своим рвением, г-н Бланки заканчивает рушить теорию участия, которую г-н Пасси уже так сильно поколебал, на следующем примере: «Г-н Дейли, один из самых просвещенных фермеров, создал учетную запись за каждый участок земли и счет за каждый товар; и он обнаруживает, что в течение тридцати лет один и тот же человек никогда не получал одинаковые урожаи на одном и том же пространстве земли. Продукты (их продажи) варьировались от 26 000 фр. до 9 000 или 7 000 фр., иногда они даже снижались до 300 фр. Есть даже определенные продукты, например картофель, (цена продаж) которых может упасть раз в девять. Как тогда, при таких различиях, с такими неопределенными доходами, установить регулярные распределения и равномерную заработную плату для рабочих?... [158]

Можно было бы ответить, что вариации (стоимостей) продукта на каждом участке земли

просто указывают на то, что необходимо связать владельцев между собой, после того, как рабочие были связаны с владельцами, что установило бы более глубокую общность интересов: но это было бы предreshением того, что является точно под вопросом, и что г-н Бланки, по размышлении, находит определенно невозможным, — организация труда. Более того, очевидно, что солидарность интереса не внесет свою лепту в общее богатство — с учетом, что она даже не затрагивает проблему разделения.

В общем, столь завидная и зачастую весьма проблематичная прибыль хозяев далека от покрытия разницы между фактической и требуемой заработной платой; и старый проект г-на Бланки, ничтожный по своим результатам и отвергнутый его автором, стал бы бедствием для обрабатывающей промышленности. Теперь, когда разделение труда отныне устанавливается повсеместно, рассуждения обобщаются, и мы приходим к выводу, что *нищета является следствием труда*, как в той же степени и безделья.

Говорят, что и этот аргумент пользуется огромной популярностью у людей: удорожать услуги, удваивать, утраивать зарплату. Я признаю, что если бы это увеличение было возможно, это было бы полным успехом, независимо от того, что сказал г-н Шевалье, обращаясь к которому я должен внести небольшие коррективы по этому вопросу.

По словам г-на Шевалье, если бы цена какого-либо товара была увеличена, цены на другие товары увеличились бы в той же пропорции, и никто бы не получил никакой выгоды.

Эти рассуждения, которые экономисты используют уже более столетия, столь же ложны, сколь и стары, и г-ну Шевалье, как инженеру, принадлежит честь выравнивания экономической традиции. Жалованье шефа бюро (офис-менеджера) составляет 10 франков в день, а зарплата работника — 4: если доход каждого увеличить на 5 франков, то соотношение состояний, которое в первом случае будет как 100 к 40, во втором — не больше 100 к 60. Следовательно, повышение заработной платы, происходящее необходимо от простого дополнения (увеличения), а не от коэффициента, было бы отличным средством выравнивания; и экономисты заслуживают того, чтобы социалисты их упрекали в невежестве, которым они одарены вдоль и поперек.

Но я говорю, что такой рост невозможен, и что это предположение абсурдно: поскольку, как очень ясно заметил г-н Шевалье, цифра, указывающая цену рабочего дня, является всего лишь алгебраическим показателем, не имеющим отношения к реальности; и что прежде всего следует знать при попытке исправления неравенства распределения, — это не денежное выражение, а количество продуктов. До того любое повышение заработной платы не может иметь никакого другого эффекта, кроме подорожания пшеницы, вина, мяса, сахара, мыла, угля и т. д. — под влиянием их недостатка. Потому как — что такое зарплата? Это себестоимость пшеницы, вина, мяса, угля; это интегрирующая цена всех вещей. Давайте пойдем еще дальше: заработная плата — это пропорциональность элементов, которые составляют богатство и которые ежедневно репродуктивно потребляются массой рабочих. То есть удвоение зарплаты в том смысле, в котором ее понимают люди, — это приписывание каждому производителю большей доли, чем он произвел, что противоречиво; и если увеличение касается только небольшого числа отраслей, это должно вызвать общее нарушение в торговле, одним словом, нехватку. Боже, упаси меня от предсказаний! но, несмотря на все мое сочувствие к улучшению положения рабочего класса, это невозможно,

я заявляю, чтобы забастовки, сопровождаемые ростом заработной платы, не приводили бы к общему росту цен: это точно, как дважды два — четыре. Не с помощью таких рецептов рабочие придут к богатству и, что в тысячу раз дороже, чем богатство, — к свободе. Рабочие, поддерживаемые благосклонностью безрассудной прессы, требуя повышения заработной платы, служили монополии гораздо больше, чем своим реальным интересам: смогут ли они признать, когда трудности станут для них еще более мучительными, горький плод своей неопытности!

Будучи убежденным в бесполезности или, точнее, в пагубных последствиях повышения заработной платы, и понимая, что вопрос является полностью органическим и ни в коем случае не коммерческим, г-н Шевалье принимает проблему задом наперед, он просит для рабочего класса, прежде всего, просвещение, и он предлагает широкие реформы в этом смысле.

Просвещение! это также слово г-на Араго, обращенное к рабочим, это принцип всего прогресса. Просвещение!... Мы должны усвоить это раз и навсегда про все, что мы можем услышать о решении рассматриваемой проблемы; нужно усвоить, говорю я, не потому, что желательно, чтобы все это получали, в чем нет сомнений, но если это возможно.

Чтобы полностью понять весь смысл взглядов г-на Шевалье, важно знать его тактику.

Г-н Шевалье, долгое время формировавшийся в дисциплине, сначала благодаря своим политехническим занятиям, затем благодаря своим сен-симонским отношениям [159], и, наконец, благодаря своему университетскому положению, похоже, не признает, что у студента может быть другая воля, нежели установленная правилами, сектант с другой мыслью, чем у своего вождя, государственный чиновник с другим мнением, чем у власти. Этот способ восприятия порядка может быть столь же респектабельным, как и любой другой, и я не намерен высказывать одобрение или порицание по этому вопросу. Должен ли г-н Шевалье выносить личное суждение? В силу принципа, что все, что не защищено законом, разрешено, он спешит взять на себя инициативу и высказать свое мнение, оставив возможность, если необходимо, присоединиться затем к мнению власти. Вот как г-н Шевалье, прежде чем осесть в конституционном кругу, отдал себя г-ну Энфантину; именно так он объяснялся по разным темам, о железных дорогах, финансах, собственности задолго до того, как министерство (правительство) приняло какую-либо систему строительства железных дорог, пересчета арендной платы, патентов на изобретения, литературную собственность и т. д.

Поэтому г-н Шевалье далеко не слепой поклонник университетского образования; и до дальнейшего уведомления он без колебаний говорит, что думает. Его мнения самые радикальные.

В своем отчете г-н Вильмен сказал: «Цель среднего образования состоит в том, чтобы заранее подготовить выбор мужчин на все должности, которые они будут занимать, и где они будут служить, в администрации, магистратуре, адвокатской конторе и в различных свободных профессиях, в том числе на старших званиях и научных специальностях военно-морского флота и армии».

«Среднее образование, — замечает далее г-н Шевалье [160], — также призвано готовить людей, одни из которых будут фермерами, другие производителями, эти — торговцами, те — свободными инженерами. Однако в программе все эти люди забыты. Упущение чрезмерное; потому что, в конце концов, промышленный труд в его различных формах, сельское хозяйство, торговля, это для государства — не аксессуар, не случайность: это принцип... Если Университет хочет оправдать свое название, он должен принять сторону в этом смысле, иначе он увидит себя стоящим лицом к лицу с *промышленным университетом* ... Это будет алтарь против алтаря и т. д.».

И как характеристика сверкающей идеи и прояснения всех вопросов, связанных с ней, профессиональное образование дает г-ну Шевалье очень быстрое средство для разрешения ссоры между духовенством и Университетом со свободным образованием.

«Надо признать, что духовенство заслуживает уважения, позволяя латинице служить основой для обучения. Духовенство знает латынь так же хорошо, как и Университет; это его собственный язык. Более того, его образование стоит недорого; поэтому невозможно, чтобы он не привлекал к себе большую часть молодежи в свои небольшие семинарии и в своих полноценные образовательные учреждения...».

Вывод только один: измените предмет обучения, и вы декатолизуете королевство; а поскольку духовенство знает только латынь и Библию, и в его лоне нет ни мастеров искусств, ни фермеров, ни бухгалтеров; среди его сорока тысяч священников, возможно, нет двадцати, способных составить план или выковать гвоздь, мы скоро увидим, кому отцы семейств будут отдавать предпочтение — промышленности или молитвеннику, если они не считают, что труд — лучший язык для молитвы Богу.

Так окончилось это нелепое противопоставление религиозного образования и светской науки, духовного и мирского, разума и веры, алтаря и престола, старых заголовков, лишенных смысла, но которыми развлекают публику до тех пор, пока она не разозлится.

Более того, г-н Шевалье не настаивает на этом решении: он знает, что религия и монархия являются двумя партнерами, которые, хотя и всегда противоречат друг другу, не могут существовать друг без друга; и, чтобы не вызывать подозрений, он бросается через другую революционную идею — равенство.

«Франция может предоставить политехнической школе в двадцать раз больше студентов, чем сегодня (в среднем 176— 3520). Университет только мечтает об этом... Если бы мое мнение чего-то стоило, я бы сказал, что математические способности *гораздо менее особенные*, чем принято считать. Я вспоминаю тот успех, с которым дети, взятые, так сказать, наугад на тротуаре Парижа, следуют учению Мартинера по методу капитана Табаре».

Если бы в среднем образовании, реформированном в соответствии с мнением г-на Шевалье, приняли участие все молодые французы, с учетом, что обычное число мест составляет всего 90 000 человек, не было бы преувеличения в том, чтобы поднять число математических специальностей от 3 520 до 10 000; но по той же причине у нас будет 10 000 художников, филологов и философов; 10 000 врачей, физиков, химиков и натуралистов; —10 000

экономистов, юристов, администраторов; — 20 000 промышленников, мастеров, торговцев и бухгалтеров; — 40 000 фермеров, виноградарей, шахтеров и т. д.; всего 100 000 производственных специальностей в год или около трети молодежи. Остальные, вместо специальных навыков, получают только смешанные навыки, повсеместно оцениваемые с равнодушием.

Уверен, что столь мощный рост интеллекта ускорит движение к равенству, и я не сомневаюсь, что таково и есть тайное желание г-на Шевалье. Но вот что меня беспокоит: недостатка в специальностях не бывает, не больше, чем у населения, и вопрос в том, чтобы найти работу для одного и хлеб для другого. Напрасно г-н Шевалье говорит нам: «Среднее образование дало бы меньше возможностей для жалобы о том, что оно вызывает в обществе поток амбициозных людей, лишенных всех средств удовлетворения своих желаний и заинтересованных в потрясении государства; людей, для которых нет применения, но верящих в свою пригодность ко всему, особенно к управлению общественными делами. Научные занятия менее возбуждают разум. Они просвещают и регулируют его одновременно; они готовят человека к практической жизни ...». — Этот язык, я отвечу ему, хорош для патриархов: профессор политической экономии должен больше уважать свою кафедру и свою аудиторию. У правительства есть не более ста двадцати мест, доступных ежегодно для ста семидесяти шести политехников, допущенных в школу: каким, следовательно, будет препятствие, если число поступлений будет десять тысяч, или только, если принять цифру г-на Шевалье, три тысячи пятьсот? И обобщите: общее количество гражданских должностей составляет шестьдесят тысяч или три тысячи ежегодных вакансий; какой ужас для власти, если, внезапно приняв реформистские идеи г-на Шевалье, она окажется в осаде пятидесяти тысяч просителей! Следующее возражение часто выдвигалось республиканцам без ответа с их стороны: когда у каждого будет удостоверение избирателя, станут ли депутаты лучше, а пролетариат — более продвинутым? Я обращаюсь к г-ну Шевалье с тем же вопросом: когда каждый учебный год принесет вам сто тысяч специалистов, что вы будете делать? Чтобы устроить эту интересную молодежь, вы опуститесь до последней ступени иерархии. Вы заставите молодого человека, после пятнадцати лет возвышенного обучения, дебютировать не так, как сегодня, со звания начинающего инженера, суб-лейтенанта артиллерии, прапорщика, заместителя, контролера, охранника и т. д.; но с неблагоприятной работы начинающего поездного кочегара, тральщика, юнги, вязальщика хвороста и погребной крысы. Там ему придется ждать смерти, освобождая ряды, пока его не пнут каблуком. Поэтому может случиться так, что человек, окончивший политехническую школу и способный стать Вобаном [161], умирает дорожником второго класса или капралом в полку. О! какое благоразумие демонстрировал католицизм, и как он превзошел всех вас, сен-симонийцев, республиканцев, ученых, экономистов, в познании человека и общества! Священник знает, что наша жизнь — лишь путешествие, и что совершенство не может быть реализовано здесь, внизу; и он довольствуется набросками образования на земле, которое найдет свое завершение на небе. Человек, которого сформировала религия, довольный возможностью знать, делать и получать то, что будет достаточным для реализации его земной судьбы, никогда не станет проблемой для правительства: он скорее станет мучеником. О, любимая религия! должна ли буржуазия, которая так нуждается в тебе, игнорировать тебя!... В какие ужасные битвы гордости и нищеты бросает нас эта мания всеобщего образования! Какая польза от профессионального образования, что хорошего в сельскохозяйственных школах и школах коммерции, если у ваших учащихся нет ни распределения, ни капитала? И какая

необходимость в том, чтобы набивать себя до двадцатилетнего возраста всевозможными науками, чтобы после того пойти прикреплять нити к мул-дженни [162] или долбить уголь на дне шахты? Что! по вашему признанию, вы ежегодно можете предложить только 3 000 рабочих мест в год на 50 000 вероятных специальностей, и вы все еще говорите о создании школ! Оставайтесь лучше в своей системе исключений и привилегий, системе старой, как мир, поддержки династий и патрициев, настоящей машине для выхолащивания людей, чтобы обеспечить удовольствия касты султанов. Заставьте платить дорого за ваши уроки, умножьте препятствия, заставьте ждать на время экзаменов сына пролетария, которому не позволяет ждать голод, и защитите что есть силы церковные школы, где учатся работать для другой жизни — смиряться, поститься, уважать великих, любить царя и молиться Богу. Потому что любая бесполезная учеба рано или поздно превращается в прекращенную учебу: наука — яд для рабов.

Конечно, г-н Шевалье слишком прозорлив, чтобы не понять последствий своей идеи. Но он сказал себе от всего сердца, и можно только приветствовать его доброе намерение: прежде всего, люди должны быть людьми: потом поживем — увидим.

Таким образом, мы движемся к приключению, ведомые Провидением, которое никогда не предупреждает нас, кроме как внезапно поражая: это начало и конец политической экономики.

В отличие от г-на Шевалье, профессора политической экономики в Коллеж де Франс, г-н Дюнойе, экономист Института, не желает организации обучения. Организация обучения — это разновидность организации труда: следовательно, не нужна организация. Обучение, отмечает г-н Дюнойе, — это профессия, а не магистратура: как и все профессии, она должна быть и оставаться бесплатной. Это сообщество, это социализм, это революционная тенденция, главными агентами которой были Робеспьер, Наполеон, Людовик XVIII и г-н Гизо [163], которые вбросили среди нас эти роковые идеи централизации и поглощения любой активности государством. Пресса совершенно свободна, а перо журналистов — товар; религия также очень свободна, и любой носитель рясы, короткой или длинной, который знает, как вызвать общественное любопытство, может собрать вокруг себя аудиторию. У г-на Лакордара есть свои последователи, у г-на Леру — его апостолы, у г-на Бучеза — его монастырь. Почему же тогда образование не может быть бесплатным? Если право учащегося, который по сути является вариацией покупателя, несомненно; право преподавателя, который является всего лишь разновидностью продавца, является относительным: невозможно прикоснуться к свободе образования, не применяя насилие к самой драгоценной из свобод, а именно к совести. И затем, добавляет г-н Дюнойе, если государство обязано всем дать образование, то вскоре появится претензия на то, что оно должно дать работу, потом жилье, потом еду... К чему это приведет?

Аргументация г-на Дюнойе неопровержима: организация (бесплатного) образования означает предоставление каждому гражданину либерального обещания занятости и комфортной зарплаты; эти два термина так же тесно связаны, как артериальное и венозное кровообращение. Но теория г-на Дюнойе также подразумевает, что прогресс справедлив только для определенной элиты человечества и что для девяти десятых человечества пребывание в варварском состоянии является постоянным условием. Это то, что составляет, по словам г-на Дюнойе, сущность обществ, которая проявляется в трех этапах: религия,

иерархия и попрошайничество. Так что в этой системе, которая является системой Дестюта де Трейси, Монтескье и Платона, антимония разделения, как и стоимости, неразрешима.

Признаюсь, мне невыразимо приятно видеть г-на Шевалье, сторонника централизации образования, побежденным г-ном Дюнойе, сторонником свободы; г-н Дюнойе, в свою очередь, находится в оппозиции к г-ну Гизо; г-н Гизо, представитель централизаторов, находится в противоречии с соглашением, которое в принципе представляет свободу; соглашение растоптано учеными, которые претендуют на привилегию обучения, несмотря на формальный порядок, описанный в Евангелии, в котором сказано священникам: *идите и учите*; и прежде всего это столкновение экономистов, законодателей, министров, академиков, профессоров и священников, экономическое провидение опровергает Евангелие, восклицая: что вы хотите, педагоги, чтобы я сделало для вашего образования?

Кто избавит нас от этой тревоги? Г-н Росси склоняется к эклектизму: будучи слишком мало разделенным, по его словам, труд остается непродуктивным; слишком разделенным он изматывает человека. Мудрость находится между этими крайностями: *in medio virtus* (в середине силы). — К сожалению, эта разделенная мудрость — лишь обыденность нищеты, добавленная к обыденности богатства, так что это условие ничего не меняет в мире. Соотношение добра и зла, вместо того, чтобы быть равным 100 на 100, составляет только 50 на 50: это может однажды установить меру эклектики для всех. Более того, золотая середина г-на Росси находится в прямой оппозиции великому экономическому закону: Производить при минимально возможных затратах максимальное количество ценностей... Тогда как труд может выполнить свое предназначение, без категорического разделения? Давайте посмотрим дальше, пожалуйста.

«Все системы, — говорит Росси, — все экономические гипотезы принадлежат экономисту; но человеку разумному, свободному, ответственному, находящемуся под властью морального закона... Политическая экономия — лишь наука, которая исследует отношения вещей и делает выводы. Она изучает результаты труда: вы должны использовать труд в соответствии с важностью цели. Когда использование труда, наоборот, имеет более высокую цель, нежели производство богатства, он не должен использоваться... Предположим, в качестве средства пополнения национального благосостояния, использование детского труда по пятнадцать часов в день: мораль сказала бы, что это недопустимо. Это доказывает, что политическая экономия является ложной? Нет: это доказывает, что вы нашли то, что должно быть разделено».

Если бы у г-на Росси было немного больше этой галльской наивности, столь трудно доступной для иностранцев, он просто *выбросил бы свой язык собакам*, как говорит мадам де Севинье. Но необходимо, чтобы профессор говорил, говорил, говорил, не для того, чтобы сказать что-то, но чтобы не молчать. Господин Росси крутится вокруг вопроса по три раза, потом успокаивается: некоторым этого достаточно, чтобы поверить, что он ответил.

Следует признать, что это уже печальный симптом для науки, поскольку, развиваясь в соответствии со своими собственными принципами, она приходит как раз вовремя, чтобы противоречить другой; как, например, когда постулаты политической экономии противоречат постулатам морали, я полагаю, что мораль, как и политическая экономия, является наукой. Что такое человеческое знание, если все его утверждения разрушают друг

друга, и чему мы должны доверять? Разделенный труд — это рабское занятие, но это единственное действительно плодотворное занятие; неразделенный труд принадлежит только свободному человеку; но это не окупается. С одной стороны, политическая экономия говорит нам — будьте богатыми; с другой стороны, мораль — будьте свободными; и г-н Росси, выступая от имени обеих, одновременно предупреждает нас о том, что мы не можем быть ни свободными, ни богатыми, поскольку существовать только наполовину — значит не существовать вовсе. *Доктрина* г-на Росси, далекая от того, чтобы удовлетворять этому двойному устремлению человечества, имеет, следовательно, недостаток, а не исключительность, в том, чтобы отнимать у нас все: в другой форме это история представительной системы.

Но антагонизм гораздо глубже, чем увидел г-н Росси. Поскольку, в соответствии с общепринятым опытом достижения согласия по этому вопросу с теорией, заработная плата уменьшается из-за разделения труда, ясно, что, подчиняясь частичному рабству, мы не получим богатства; мы лишь превратили людей в машины: взгляните на работающее население двух миров. А поскольку, с другой стороны, за пределами разделения труда общество возвращается к варварству, все еще очевидно, что, пожертвовав богатством, нельзя достичь свободы: посмотрите на кочевые племена в Азии и Африке. Следовательно, существует необходимость, абсолютное повеление со стороны экономики и со стороны морали, — разрешить проблему разделения: и где сейчас экономисты?

Уже более тридцати лет назад, как Лемонти, развивая наблюдение Смита, выявил деморализующее и убийственное влияние разделения труда: кто ему ответил? какое исследование было сделано? какие комбинации предложены? вопрос был только понят?

Каждый год экономисты с точностью отчитываются, — что я бы приветствовал, если бы не видел бесплодность этого, — о коммерческом движении государств Европы. Они знают, сколько метров ткани, кусочков шелка, килограммов железа было произведено; каково было потребление на душу населения пшеницы, вина, сахара, мяса: говорят, что для них *nec plus ultra* (предел) науки состоит в публикации инвентарных перечней, и конечная цель их объединения в том, чтобы стать всеобщими контролерами наций. Никогда ранее так много собранных материалов не предоставляло такой перспективы для исследований: что было обнаружено? какой новый принцип возник из этой массы? к какому решению стольких старых проблем привело? какое новое направление для изучения (возникло)?

Один из вопросов, похоже, был подготовлен для окончательного решения: это пауперизм. На сегодняшний день из всех несчастий цивилизованного мира пауперизм наименее изучен: мы примерно знаем, откуда он, когда и как он наступает, и чего стоит: мы рассчитали, в какой пропорции он находится к различным показателям цивилизации, и в то же время было достигнуто убеждение, что все возможности, с помощью которых его пытались победить, оказались бессильны. Пауперизм был разделен на роды, виды и вариации: это полная естественная история, одна из важнейших отраслей антропологии. Ну и! что неопровержимо вытекает из всех собранных фактов, но то, что мы не увидели, чего мы не хотим видеть, что экономисты настойчиво скрывают своим молчанием, так это то, что пауперизм является узаконенным и хроническим в обществах, пока сохраняется антагонизм труда и капитала, и что этот антагонизм может закончиться только абсолютным отрицанием политической экономии. Какой выход из этого лабиринта обнаружили

экономисты?

Этот последний момент заслуживает того, чтобы остановиться на нем на мгновение.

В примитивном сообществе, как я указывал в предыдущем параграфе, нищета является универсальным условием.

Труд — это война, объявленная этой нищете.

Труд организован, сначала разделением, затем внедрением машин, затем конкуренцией и т. д., и т. д.

Теперь вопрос состоит в том, чтобы знать, не является ли это сущностью этой организации, такой, какой она дана нам в политической экономии — одновременно с тем, как она прекращает нищету одних, она усугубляет ее для других роковым и неодолимым образом. Вот в каких выражениях должен быть задан вопрос о пауперизме, и именно так мы решили найти на него ответ.

Что означают эти вечные сплетни экономистов о нечестности рабочих, их лени, недостатке достоинства, невежестве, разврате, преждевременных браках и т. п.? Все эти пороки, вся эта подлость — всего лишь покрывало пауперизма; но причина, основная причина, которая роковым образом удерживает четыре пятых человеческой расы в унижении, где она? Разве природа не сделала всех людей одинаково грубыми, сопротивляющимися работе, распутными и дикими? разве патриций и пролетарий не вышли из одного ила? Почему же тогда, после стольких веков и несмотря на столько чудес промышленности, науки и искусства, благосостояние и вежливость не могли стать достоянием всех? Как случилось, что в Париже и Лондоне, в центрах общественного благосостояния, нищета столь же отвратительна, как во времена Цезаря и Агриколы? Как случилось, что кроме этой утонченной аристократии, основная масса осталась такой невоспитанной? Указывают на пороки народа: но пороки высших классов не кажутся меньшими, возможно даже они большие. Первоначальная задача для всех одинакова: почему еще раз, крещение цивилизации не дало одинакового эффекта для всех? Разве это не означает, что сам прогресс является привилегией, и что человеку, у которого нет ни колесницы, ни коня, предназначено вечно блуждать в грязи? Что я говорю? для полностью обездоленного человека желание спастись не реализуемо: он упал настолько низко, что даже амбиции погасли в его сердце.

«Из всех личных добродетелей, — как разумно замечает г-н Дюнойе, — самая необходимая — та, которая последовательно предоставляет для нас и все остальное, — это страсть к благополучию, это неистовое желание избавиться от страданий и унижений, именно это соперничество и это достоинство, одновременно, не позволяют ему быть удовлетворенным этой худшей ситуацией...

...Но это чувство, которое кажется таким естественным, к сожалению, гораздо менее распространено, чем можно подумать. Есть некоторые упреки — в том, что очень большая общность людей заслуживает меньшего, чем имеют, — которые им адресуют аскетически настроенные моралисты за то, что они слишком легко относятся к своему достатку: их будут

упрекать в обратном... Есть даже в природе людей очень примечательная характеристика — что чем меньше у них знаний и средств, тем меньше они испытывают желание их приобрести. Самыми презренными и наименее просвещенными дикарями являются именно те, кому труднее всего удовлетворять потребности, те, кому с трудом внушают желание выйти из их состояния; так что необходимо, чтобы человек уже приобрел на работе определенное благополучие, прежде чем он почувствует с некоторой живостью эту потребность улучшить свое состояние, которое я называю жаждой благосостояния» (*О свободе труда*, том II, стр. 80).

Таким образом, нищета рабочих классов происходит в основном из-за их нехватки сердечности и духовности, или, как где-то сказал г-н Пасси, из-за слабости, инерции их духовных и интеллектуальных способностей. Эта инерция объясняется тем, что так называемые рабочие классы, все еще частично дикие, не чувствуют с достаточной живостью желания улучшить свое положение: на это указывает г-н Дюнойе. Но поскольку это отсутствие желания само по себе является результатом нищеты, из этого следует, что нищета и апатия являются другим следствием и причиной, и что пролетариат находится в замкнутом кругу.

Чтобы выбраться из этой пропасти, вам нужно либо благосостояние, то есть прогрессивное увеличение заработной платы; либо интеллект и смелость, то есть прогрессивное развитие способностей: две вещи, диаметрально противоположные деградации души и тела, что является естественным эффектом разделения труда. Таким образом, несчастье пролетариата является провиденциальным, и попытка его погасить с точки зрения политической экономии означала бы спровоцировать революционный смерч.

Потому что не без глубокой причины, основанной на высших моральных соображениях, универсальная совесть, выражаемая в свою очередь эгоизмом богатых и апатией пролетариата, отвергает вознаграждение человека, который исполняет обязанности лишь рычага и пружины. Если бы, предположим, материальное благополучие внезапно могло достаться рабочему на участке, мы увидели бы нечто чудовищное: рабочие, занятые отвратительной работой, стали бы такими же, как те римляне, наделенные богатствами мира, чей огрубленный разум был неспособен изобрести даже удовольствия. Благосостояние без образования огрубляет людей и делает их заносчивыми: это наблюдение было сделано с древних времен. *Incrassatus est, et recalcitravit*, говорит Второзаконие. Кроме того, рабочий на участке судит сам себя: он счастлив, когда есть хлеб, сон на убогом ложе и пьянство по выходным. Любое другое условие может ему повредить и поставить под угрозу общественный порядок.

В Лионе есть класс людей, которые благодаря монополии, которой пользуется муниципалитет, получают зарплату выше, чем у профессоров факультетов и руководителей офисов министерств: это портовые грузчики. Цены на погрузку и выгрузку на определенных причалах Лиона, согласно ставкам компании «Риге» или других погрузочных компаний, составляют 30 сантимов за 100 кг. При таких показателях человек нередко зарабатывает 12, 15 и до 20 франков в день: речь идет только о том, чтобы перенести сорок или пятьдесят сумок с судна в магазин. Это вопрос нескольких часов. Какое благоприятное условие для развития интеллекта, как для детей, так и для отцов, если оно самим собой и досугом, который оно предоставляет, делает богатство морализирующим стимулом! Но это не так:

грузчики Лиона сегодня такие же, какими они были всегда: пьяницы, злодеи, жестокие, заносчивые, эгоистичные и вероломные. Говорить об этом больно, но я считаю эту декларацию обязанностью, потому что в ней содержится правда: одной из первых реформ, которая будет действовать среди рабочих классов, будет сокращение заработной платы одних одновременно с повышением у других. Чтобы распоряжаться низшими классами людей, монополия не подходит, особенно когда она служит только для поддержания грубейшего индивидуализма. Бунт рабочих на производстве шелка не обнаружил у грузчиков и у других рабочих, занятых на реке [164], какой-либо симпатии (к этому бунту), но, наоборот, был встречен враждебно. Ничто из того, что происходит за пределами портов, не может их взволновать. Животные, сформированные под условия деспотизма, никогда не вмешиваются в политику — при условии, что их привилегии сохраняются. Однако я должен сказать в их защиту, что в течение некоторого времени потребности конкуренции, нарушившие тарифы, стали провоцировать появление более общительных чувств в их тяжелых сущностях: еще несколько сокращений (зарплат), которые вызовут обнищание, и лионские Риги [165] сформируют элитный корпус, когда придет время для штурма бастилий.

В итоге это невозможно, противоречиво, что в нынешней системе обществ пролетариат достигнет благосостояния через образование, а образования — через благосостояние. Ибо, не считая того, что пролетариат, человек-машина, не способен поддерживать достаток так же, как образование, было показано, с одной стороны, что его заработная плата всегда стремится к уменьшению больше, чем к повышению; с другой стороны, что культура его интеллекта, даже когда он мог ее получить, будет для него бесполезной: поскольку для него существует постоянное принуждение к варварству и нищете. Все, что в последние годы было предпринято во Франции и Англии с целью улучшения положения бедных классов, детского и женского труда и начального образования, если только это не было плодом скрытого радикализма, было сделано против экономических данных и в ущерб установленному порядку. Прогресс для массы рабочих — это всегда книга за семью печатями; и не методом искажения законодательства эта беспощадная загадка будет разрешена.

Кроме того, даже если экономисты, повторяя свои старые практики, в конечном итоге потеряли понимание оборота вещей в обществе, нельзя сказать, что социалисты лучше разрешили антиномию, которую вызывает разделение труда. Напротив, они остановились на отрицании; поскольку не правда ли, что лучше всегда все отрицать, чем оппонировать, например, единообразие разделенного труда — так называемой разновидности, в которой каждый может изменить свое занятие по десять, пятнадцать, двадцать раз в день, по желанию? Как будто меняя десять, пятнадцать, двадцать раз в день объект упражнения, можно сделать труд составным; как если бы, следовательно, двадцать долей маневров могли бы дать эквивалент целого дня для артиста. Если предположить, что этот промышленный пилотаж будет практически осуществимым, и можно будет заранее утверждать, что он исчезнет в связи с необходимостью возвращения ответственности и, следовательно, персональных функций работникам, это ничего не изменит с точки зрения физического, морального и интеллектуального состояния рабочего; в лучшем случае он мог бы путем распыления еще более обезопасить свою неспособность и, следовательно, свою зависимость. Это то, что признают организаторы, коммунисты и другие. У них так мало претензий на разрешение антиномии разделения, что они все признают в качестве существенного условия организации иерархии труда, то есть классификацию работников по

участкам, по общим и составным, и что во всех утопиях различие способностей, основание или вечный предлог для имущественного неравенства принимаются за стержень. Реформаторы, чьи планы могли быть продиктованы только логикой и которые, заявив о своем несогласии с *упрощенчеством*, однообразием, единообразием и расчленением труда, затем стали предлагать *множественность* в качестве СИНТЕЗА; таких изобретателей нужно судить и отправить обратно в школу.

Но вы, критик, — без сомнения спросит читатель, — каково ваше решение? Покажите нам этот синтез, который, сохраняя ответственность, личность, одним словом специализацию работника, должен объединить наивысшее разделение и наибольшее разнообразие в сложное и гармоничное целое.

Мой ответ готов: давайте изучим факты, давайте посоветуемся с человечеством; мы не можем получить лучшего проводника. После колебаний стоимости разделение труда является экономическим фактом, который наиболее существенно влияет на прибыль и заработную плату. Это первая веха, установленная Провидением на почве промышленности, отправная точка этой огромной триангуляции, которая должна в конце концов определить для каждого и для всех права и обязанности. Итак, давайте следовать нашим подсказкам, без которых мы могли только заблудиться и потеряться:

Tu longè sequere, et vestigia semper adora (Приблизительный перевод с латыни: Следи за приметами в течение долгого пути. — А.А. А-О.)

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 02:49:09

Зверобой обновил 14 марта 2025 02:50:42